

Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства

Кефели И. Ф., Шамахов В. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются во многом еще дискуссионные вопросы обустройства Большой Евразии как полицивилизационного пространства, охватывающего Северо-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский регионы. Обращается внимание на неоднозначность интерпретации евразийской идеи применительно к прогнозным оценкам геополитического статуса современной России. Указывается на необходимость осуществления геополитической и геоэкономической экспертизы разрабатываемых проектов Большого евразийского партнерства от Лиссабона до Владивостока и признания статуса государственной идеологии как неперемennого звена конституционного права.

Ключевые слова: Европейский союз, Евразийский экономический союз, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, геополитика, геоэкономика, интеграционные процессы

Geopolitical and Geoeconomic Aspects of Interaction of EAEU and EU in the Format of a Big Eurasian Partnership

Igor F. Kefeli, Vladimir A. Shamakhov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes in many ways still debatable issues of arranging Greater Eurasia as a poly-civilization space covering the North Atlantic, Eurasian and Asian-Pacific regions. Attention is drawn to the ambiguity of the interpretation of the Eurasian idea as applied to forecast estimates of the geopolitical status of modern Russia. The need for a geopolitical and geoeconomic examination of the projects under development of the Greater Eurasian Partnership from Lisbon to Vladivostok and the recognition of the status of state ideology as an indispensable link of constitutional law is pointed out.

Keywords: European Union, Eurasian Economic Union, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, geopolitics, geoeconomics, integration processes

Недавно Постпред Российской Федерации при Европейском союзе (ЕС) Чрезвычайный и Полномочный Посол В. А. Чижов выступил с докладом **«Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность»** на конференции «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге» в рамках 17-го Родосского Форума «Диалог цивилизаций» и напомнил участникам конференции, что «основан Евросоюз был... не на ценностях, а на интересах, как инструмент предотвращения новой войны в Европе... Сейчас ЕС в известном смысле вернулся к своему первоначальному предназначению и вновь превратился в инструмент сопряжения интересов своих стран-членов. Менее чем через три недели начнет работу новая Еврокомиссия, глава которой У. фон дер Ляйен определила ее как „геополитическую“. Посмотрим,

как геополитика в исполнении новоиспеченных еврокомиссаров будет способствовать преодолению перенасыщенных мною кризисных явлений и сохранению за Европой в широком смысле этого слова глобальных позиций как в экономике, так и в политике в меняющемся многополярном мире. Я, конечно, далек от того, чтобы давать советы новому руководству ЕС. Но хотелось бы обратить внимание на очевидное. Единственный путь для того, чтобы Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый «задний двор» мировой экономики и политики, — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока... Что же касается более общего „рецепта“ объединения Евразии, то он, на наш взгляд, уместается в простое словосочетание — интеграция интеграций. То есть сопряжение экономических потенциалов двух сосуществующих на нашем континенте крупнейших интеграционных проектов — ЕАЭС и ЕС. Характерно, что зафиксирован этот рецепт был впервые еще на московском саммите Россия — ЕС в 2005 г. в „дорожной карте“ по общему пространству внешней безопасности: „Россия и Европейский союз признают, что процессы регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют и которые основаны на суверенных решениях государств, играют важную роль в укреплении безопасности и стабильности. Они соглашаются активно продвигать эти процессы взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование Большой Европы без разделительных линий и основанной на общих ценностях“. На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только „Большая Евразия“ с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)». Правда, российский посол в Евросоюзе справедливо подчеркнул, что, говоря о здоровой конкуренции, мы отнюдь не противопоставляем евразийский мегапроект инициативам, исходящим из АТР, и что «китайская инициатива „Одного пояса — одного пути“ вполне сочетается с нашим видением общего экономического и гуманитарного пространства на просторах Евразии. Очевидно, что и в плане обеспечения безопасности в нашем общем европейском „доме“ друг без друга нам не обойтись»¹.

Мы специально привели достаточно большую выдержку из текста доклада российского дипломата, чтобы показать довольно четкое и недвусмысленное позиционирование России в глобальной геополитике и геоэкономике. Подтверждением тому могут служить три официальных документа последних лет, которые четко позиционируют место России на евразийском пространстве и показывают, как историософские воззрения основателей евразийства, пройдя через горнило идеолого-политических ристалищ, вполне органично включаются в русло российской внешней политики и в систему международных отношений. Это, во-первых, Концепция внешней политики Российской Федерации (30.10.2016), в которой четко указаны три региона евразийского континента — Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский — и определена стратегическая задача в отношении России с ЕС: «Формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). Как здесь не вспомнить работу В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.), в которой он четко выделял три части материка: «1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия... искомые границы так названного нами Среднего мира на азиатско-европейском материке обнимают всю русскую империю» [7, с. 185–186, 199–200]. В данной концепции также закреплено следующее положение: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <...> и настроена на формирование... пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82)². Во-вторых, —

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-vachizhova-na-konferencii-globalnyy-besporjadok-put-k-mirovozzreniyu-na-osnove-dialoga> (дата обращения: 11.10.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.06.2018).

«Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.» (14.10.2016), в преамбуле которой определена зона ответственности ОДКБ: это «территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ»¹. Нельзя не упомянуть, в-третьих, и «Циндаоскую декларацию Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества» (10.06.2018), в которой прямо указано на то, что «государства — члены ШОС будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики..., а также способствовать формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества»².

Иначе говоря, со стороны России и ряда евразийских организаций (с ее участием) достаточно четко определены предложения по обустройству континента в форматах «Большой Евразии», «Большого евразийского партнерства», «интеграции интеграций» и др. Эти предложения были инициированы творческим наследием отечественных евразийцев, теоретико-мировоззренческими наработками современных авторов и, наконец, официальными документами. Правда, на пути обустройства встречается разночтение сложившейся в последние годы ситуации среди ряда отечественных авторов.

Дискуссии по поводу Большой Евразии

Стоит напомнить слова П. Н. Савицкого, произнесенные им на Международном съезде историков (Варшава, 1933 г.): «Евразийцы... считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены... евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [8, с. 126].

Осмысление феномена Большой Евразии как цивилизационного пространства по-прежнему остается дискуссионным, что подтверждается, в частности, недавними заявлениями некоторых известных ученых-международников — Владислава Иноземцева, Андрея Картунова, Алексея Куприянова и ряда других. Дело в том, что эти авторы предлагают рассматривать всю евразийскую тематику не в рамках транзита классического евразийства в неоевразийство, а с позиций совсем иного драйвера — воспринимать его с позиций глобальной трансформации политэкономической карты мира в целом. Так, В. А. Иноземцев заявляет, что мир начала XXI в. начал вновь “инстинктивно” стремиться к биполярности: одним полюсом по-прежнему выступают Соединенные Штаты и Европейский союз (в котором более проатлантическими оказываются его восточные члены), другим — Китай и примыкающая к нему Россия (? — *И. К., В. Ш.*)... Концепция «Большой Евразии» уязвима, поскольку она не исчерпывается только Россией и Китаем (допуская сходство их геополитических интересов) и не опирается на значимые культурно-исторические основы, тогда как концепция «Большой Европы» имеет прочный ценностно-культурный и исторический фундамент, но ей недостает геополитического и организационного оформления. Обе концепции, продолжает далее Иноземцев, по-своему «перекошены» в пространственном отношении: «В первом случае “Большая Европа” гипертрофированно перекашивается на Восток, так как большая часть России находится в Азии; во втором — “Большая Евразия” практически не имеет ничего от Европы, коль скоро Россия объявляется наследницей монголов, а Западная Европа — “малозначимой оконечностью” этой самой Евразии». «Большая стратегия», по Иноземцеву, это:

- развитие тихоокеанского побережья России, а не пресмыкательство перед Китаем;
- сближение с Европой и США;
- утверждение нашей исторической идентичности, культурной и цивилизационной близости России к основным геополитическим игрокам, указанным в предыдущим пункте.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php> (дата обращения: 10.06.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 15.06.2018).

Сегодня, завершает свои рассуждения Иноземцев, ни теория «Большой Европы», ни концепт «Большой Евразии» не могут являться действенными платформами для позиционирования России в глобальной политике XXI в., и потому «будет печально, если оно (время утверждения идеи всестороннего союза с Западом ради того, чтобы само это понятие исчезло за ненадобностью, никогда не ставилось в центр российских «больших стратегий») придет и застанет российских интеллектуалов внешней политики за собиранием новых конструкций из тех же кубиков, какими баловались еще их деды»¹. Что же касается кубиков, какими баловались «деды российских интеллектуалов», то к последним, надо полагать, Иноземцев относит основателей отечественного евразийства — упомянутого выше П. Н. Савицкого, а также С. Н. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Н. Н. Алексеева и др. Здесь, как говорится, комментарии излишни...

В свою очередь, А. В. Кортунув, пытаясь упредить «праведный гнев нынешних ортодоксов геополитики», недавно заявил, что евразийский Хартленд XXI в. находится там, где Макиндер видел «Внутренний полумесяц», — на территориях Китая и Индии, «по отношению к которым остальные части евразийского массива — Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяженный европейский полуостров азиатского материка — выступают в роли континентальных лимитрофов... судьбы Евразии зависят в первую очередь от того, как сложатся отношения в новом Хартленде — между Китаем и Индией»². Однако нельзя забывать, что Макиндер, развивая свои взгляды, сформулированные в статье «Географическая ось истории» (1904 г.), на которую ссылается Кортунув, в работе «Круглая Земля и обретение мира» (“The Round World and the Winning of Peace”, 1943) четко определял границы Хартленда — «это северная и внутренняя часть Евро-Азии. Он простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы... территория СССР эквивалентна Хартленду во всех направлениях», кроме одного, уточняет Макиндер, — на восток от Лены («земля Лены», «Леналенд»). Эта земля не входит в Россию-Хартленд [«Россию-Средоточие», Heartland, Russia]. Макиндер, рассуждая с позиций геополитики, четко заявлял, что Советский Союз выйдет победителем из Второй мировой войны: «Хартленд — крупнейшая естественная крепость на земле. Впервые в истории она обеспечена гарнизоном, адекватным ей и численно, и качественно» [9, с. 3–6; 10, р. 197–201]. Явным показателем способности геополитики теоретически предсказывать и обосновывать внешнюю политику и военную стратегию государств служат слова Макиндера (а речь об этом идет в 1943 г.) о необходимости открытия второго, западного фронта на основе взаимодействия Америки, Великобритании и Франции, в рамках которого первая обеспечивала бы глубину обороны, вторая служила окруженным водой передовым оплотом, а третья — удобным для обороны плацдармом, поскольку «морская мощь в своем финальном применении должна быть земноводной, если она призвана уравновесить мощь сухопутную». Более того, «необходимо, чтобы эти три победительницы (Макиндер тогда об этом заявлял вполне уверенно, хотя до открытия второго фронта пришлось ждать еще целый год. — *И. К., В. Ш.*) и четвертая — Россия — заручились обязательством выступить сообща и немедленно, если обозначится любая угроза нарушения мира». После такого посыла Макиндер впервые высказал суждение еще об одной великой черте всемирной географии — о некоем подобии «пояса, как бы обвитого вокруг тяготеющих к Северному полюсу регионов. Он начинается с пустыни Сахара, затем, если двигаться на восток, обретает свое продолжение в арабских, иранских, тибетских и монгольских пустынях и через пустоши «земли Лены», Аляски и Лаврентийской возвышенности в Канаде дотягивается до засушливой зоны на западе Соединенных Штатов. Этот пояс пустынь и пустошей — черта первостепенной важности во всемирной географии. Внутри него обретаются два взаимно соотнесенных явления почти равной значимости: Хартленд и бассейн Средиземного океана (Северная Атлантика) с его четырьмя придатками (Средиземным, Балтийским, Арктическим и Карибским морями). За пределами этого пояса — Великий океан (Тихий, Индийский и Южно-Атлантический) и земли, отдающие ему свою речную влагу (азиатские муссонные края, Австралия, Южная Америка и Африка к югу от

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (дата обращения: 08.11.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khimera-ili-istoricheskiy-shans/> (дата обращения: 06.02.2019).

Сахары)». Это прозрение Макиндера положило начало обоснованию геополитической концепции Римленда (Rimlend) — «Внешнего полумесяца», преемницы стратегии «Анаконды», а ныне трактуемой как «Евразийский пояс нестабильности» [2; 3, с. 22–28; 4]. Поэтому предлагаемый Кортунковым «перенос Хартленда» из своего исконного ареала в новый — «между Китаем и Индией» — вряд ли может быть признан как конструктивная основа геополитического дискурса.

В подобного рода дискурсе появилась еще одна позиция, высказанная А. В. Куприяновым и А. С. Королевым: мир стоит на пороге «Второй холодной войны» между США и Китаем, поскольку обе стороны заинтересованы в распространении своего влияния, получении доступа к ресурсам, продвижении своих товаров на рынки зависимых стран и статусе мирового гегемона в мировой рыночной системе. На географической карте «Второй холодной войны» авторы незатейливо изображают три группы стран — ведущие эту самую холодную войну (США и Китай), страны-изгои (Иран, Судан, КНДР, Куба, Сирия, Венесуэла) и “swingpowers” = «колеблющиеся державы» (Россия и Индия). Ответом на сложившуюся обстановку, которая может привести к реализации двух сценариев (холодная война так и останется холодной либо перерастет в горячую), со стороны Москвы и Нью-Дели может стать формирование неофициального, невоенного альянса «Движение мирного развития». Более того, авторы предлагают России и Индии делать «свой выбор с осторожностью: любые изменения в их позициях могут радикально изменить статус-кво, вне зависимости от того, будет это горячая или холодная война. Географическое положение России позволяет ей контролировать как сухопутные, так и водные пути Северной Евразии, в то время как Индия является ключевой силой, контролирующей маршруты Южной Евразии. Без российского участия никто не сможет воспользоваться ресурсами арктического шельфа, без Индии невозможно получить доступ к ресурсам Восточной Африки. В действительности, вместо того чтобы пытаться действовать как “колеблющиеся державы” (swingpowers), обеим странам следует стремиться к такой политике и позиционированию, которые способствовали бы построению многополярного мира. В некоторых случаях это может повлечь за собой балансирование между США и Китаем, которое будет требовать от Дели и Москвы создания коалиций для решения конкретных задач, что позволило бы предотвратить формирование однополярных или биполярных механизмов... Если Россия (внимание! — *И. К., В. Ш.*) вступит в союз с Китаем, он чрезвычайно усилится; если США вступят в союз с Индией, позиции Китая очень ослабнут. Если Россия или Индия внезапно примкнут к США, это будет означать поражение Китая, которому придется забыть о своих морских амбициях и заняться укреплением границы. Если Россия и Индия решат встать на сторону Китая, это будет означать поражение США, потому что ресурсы Китая станут неисчерпаемы» [5, с. 8–9]. Что же касается геоэкономических трендов, для них авторы уготовили схему сотрудничества, иницилируемую Raisina Dialogue — ежегодной конференцией по проблематике геополитики и геоэкономики, проводимой в Нью-Дели с 2016 г. на площадке независимого мозгового центра Observer Research Foundation при поддержке Министерства иностранных дел Индии: «Россия и Индия являются лидерами таких блоков: в случае России это Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в случае Индии — Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) и Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК)» [5, с. 15].

Так уважаемые аналитики-международники раскладывают на политической карте мира геополитические кубики, треугольники, диполи для объяснения того, как формировать полицентричное мироустройство без какого-либо учета уже действующих соглашений в рамках ЕАЭС, ШОС, проектов «Один пояс — один путь» и «Север-Юг», Большого евразийского партнерства, которое, в частности, нацелено на коалиционное взаимодействие ЕАЭС и ЕС.

На пути к геополитическому и геоэкономическому взаимодействию ЕС и ЕАЭС

На пути геополитического и геоэкономического взаимодействия ЕС и ЕАЭС, несмотря на многочисленные заявления европейских и российских политиков о необходимости тесного сотрудничества, по-прежнему остается гораздо больше шипов, чем лепестков роз. Еще четыре года назад И. С. Иванов отмечал, что «стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит

Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего... Перед нами стоит задача определить такие правила игры между Евроатлантикой и Евразией, которые бы свели к минимуму риски неконтролируемой конфронтации, создали бы возможности для диалога и сотрудничества в решении общих проблем и восстановления управляемости международной системы»¹. Это заявление следует рассматривать, на наш взгляд, как констатацию тех реалий, которые означали наступление новой геополитической эпохи современного мироустройства — Past Cold War, выразившейся в коренных изменениях системы международных отношений. Эти изменения, в свою очередь, обусловили переформатирование коалиций государств и глобальных регионов [1; 6]. В таком формате, очевидно, следует анализировать отношения между двумя макрорегионами Большой Евразии — Евроатлантикой и Евразией — с позиций, в первую очередь, Евросоюза, с одной стороны, и ЕАЭС и ШОС — с другой.

Позиция Евросоюза зафиксирована в ряде документов последних лет. Так, к примеру, в «Глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и политике безопасности» (A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, June, 2016) стоит обратить внимание на следующие позиции, сформулированные авторами данного документа:

- Мы переживаем экзистенциальный кризис как внутри Европейского союза, так и за его пределами. Наш союз под угрозой.
- Наш европейский проект, принесший с собой беспрецедентный мир, процветание и демократию, ставится под сомнение.
- К востоку от наших границ была нарушена Европейская система безопасности.
- Когда речь идет о коллективной обороне, НАТО остается главной структурой для большинства стран — членов ЕС.
- ЕС будет укреплять сотрудничество с Североатлантическим альянсом на базе взаимодополняемости, синергии и полного соблюдения институциональных основ, инклюзивности и автономности обеих сторон при принятии решений.
- Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации на Украине наряду с тяжкими конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ Европейской системы безопасности.
- Поддержание отношений с Россией представляет собой одну из стратегических задач... ЕС и Россия зависят друг от друга. Поэтому мы будем взаимодействовать с Россией, чтобы обсудить разногласия и сотрудничать в тех случаях, когда наши интересы пересекаются.
- В этом хрупком мире одной «мягкой» силы недостаточно: мы должны повысить нашу эффективность в сфере безопасности и обороны².

Стоит обратить внимание на сам тон документа: речь в нем идет об «экзистенциальном кризисе» и о некоей угрозе по отношению к ЕС, но не говорится — с чьей стороны. «К востоку от наших границ была нарушена Европейская система безопасности», стоит только догадываться — с чьей. Обвинение в адрес России в нарушении международного права сопровождается призывом не только к укреплению сотрудничества ЕС с НАТО, но и к взаимодействию с Россией как решению стратегической задачи, поскольку «ЕС и Россия зависят друг от друга». Более того, в двух последующих отчетах (за 2017 и 2018 гг.) о ходе реализации «Глобальной стратегии ЕС (EUGS)» мы не встретим ни слова о том, как решается стратегическая задача взаимодействия с Россией. Разве только что когда речь заходит о публичной дипломатии, то упоминается

¹ Иванов И. С. Закат Большой Европы. Выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность» [Электронный ресурс], 12 сентября 2015 г., Рига, Латвия. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680> (дата обращения: 30.09.2019).

² Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe a Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 56 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en> (дата обращения: 10.09.2019).

проект OPEN EU Neighbours South (открыть ЕС южным соседям), включающий цифровую кампанию, целью которой является информирование миллиона молодых людей о предлагаемых ЕС возможностях, а также работа в программах сети Жан Моне и Erasmus¹.

В ответ на призывы российских политических лидеров к тесному сотрудничеству России, ЕАЭС и ЕС дал ответ президент Франции Э. Макрон, выступив 27 августа 2019 г. на встрече с послами Франции. «Международный порядок, — заявил он, — потрясен беспрецедентным образом, но особенно, если можно так выразиться, великим переворотом, который, вероятно, произошел впервые в нашей истории, примерно во всех областях, с глубокой исторической величиной. Это, прежде всего, геополитическая трансформация и стратегическая перестройка. Мы, вероятно, переживаем конец западной гегемонии над миром... Давайте посмотрим на Индию, Россию и Китай. У них гораздо более сильное политическое вдохновение, чем у европейцев сегодня... И поэтому все, что приходит, очень глубоко потрясает нас и перетасовывает карты». Макрон видит силу внешней политики Франции в наличии союзников в каждом регионе мира и в том, что «мы не та сила, которая считает, что враги наших друзей обязательно наши враги или что нам запрещено разговаривать с ними», указывая при этом на США как на «важного союзника». Однако особого внимания заслуживает его заявление об отношении Франции к России. Говоря о проекте воссоздания европейской цивилизации, Макрон четко определил свою позицию: «мы не можем сделать это без переосмысления наших отношений с Россией... отталкивание России от Европы является глубокой стратегической ошибкой, потому что мы подталкиваем Россию либо к изоляции, которая усиливает напряженность, либо к союзу с другими великими державами, такими как Китай... Я считаю, что нам нужно построить новую архитектуру доверия и безопасности в Европе, потому что европейский континент никогда не будет стабильным, никогда не будет безопасным, если мы не успокоим и не проясним наши отношения с Россией»².

Надо полагать, заявления подобного рода должны быть взяты за основу взаимодействия не только Франции и России, но и в целом Евросоюза и Евразийского экономического союза. Призыв к необходимости в инициативном порядке долгосрочного прогнозирования отношений России с Евросоюзом должен, очевидно, найти ответ со стороны руководства Евросоюза и европейских лидеров. Судя по заявлению Макрона, мяч на их стороне. Однако этот мяч руководство Евросоюза направляет в другую сторону — в Центральную Азию без какого-либо упоминания о том, что ряд государств этого региона связаны обязательствами своего участия в ЕАЭС. Обратимся к документам последнего времени. Так, осенью 2018 г. Европейским союзом была обнародована новая «Стратегия экономического сопряжения Европы с Азией»³, в которой были определены конкретные направления деятельности ЕС для включения государств центральноазиатского региона в зону своих интересов — строительство инфраструктуры, в т. ч. продления Транс-Европейской транспортной сети (Trans-European Transport Network, TEN-T), обмен данными, интеграция сообщества и др. Особое внимание стало уделяться Каспийско-Черноморскому региону⁴. Обратим внимание на карту (см. рис. 1 на стр. 16), на которой четко просматриваются возможные выходы «коридоров» этой сети на северо-западной, западной и юго-западной границах России. Однако указанная Стратегия вполне сознательно предполагает обход этих границ с целью выхода в Центральноазиатский регион, очевидно для того, чтобы реализовать иные возможности в рамках глобальной экономики: «ЕС и Азия должны обеспечить эффективную и устойчивую связь. Связность, совместимость способствует экономическому росту и созданию рабочих мест, глобальной конкурентоспособности и торговле, а также перемещению людей, товаров и услуг между Европой и Азией»⁵. Причем Стратегия в Азии вытекает из рассмотренной выше EUGS.

¹ The EU Global Strategy — Year 1 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/49750/eu-global-strategy—year-1_en/10/01/2017 (дата обращения: 15.10.2019); EU Global Strategy report — Year 2: a Year of Action to Address “Predictable Unpredictability” [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/47277/eu-global-strategy-report-year-2-year-action-address-predictable-unpredictability_en/25/06/2018 (дата обращения: 15.10.2019).

² Discours de M. Emmanuel Macron, Président de la République, à la XXVIe édition de la Conférence des ambassadeurs et ambassadrices [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Connecting Europe and Asia. Building Blocks for an EU Strategy. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 12 p.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-strategiya-es-po-tsentralnoj-azii-i-kaspijskij-region/> (дата обращения: 20.10.2019).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-strategiya-es-po-ekonomicheskomu-sopryazheniyu-s-aziej/> (дата обращения: 20.10.2019).

«Чем больше между нами связей, тем больше у нас возможностей для выработки совместных политических решений, для обеспечения экономического процветания граждан, — заявила Верховный представитель ЕС Ф. Могерини во время принятия Совместного коммюнике Европейской комиссии и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности (19 сентября 2018 г.), в котором было представлено видение ЕС новой всеобъемлющей стратегии по наращиванию связей между Европой и Азией. — Мы используем подход Европейского союза: установить тесные контакты и укрепить партнерство для обеспечения устойчивой взаимосвязанности во всех секторах, на основе уважения общих правил. Это и есть европейский путь, позволяющий преодолевать вызовы и не упускать открывающиеся возможности, на благо жителей и Европы, и Азии». Следом за Могерини ее коллега, заместитель Председателя Европейской комиссии по вопросам занятости, экономического роста, инвестиций и конкурентоспособности Ю. Кайтайнен раскрыл истинный интерес Евросоюза: «Мы хотим сотрудничать с нашими партнерами из Азии, чтобы расширить связи между Европой и Азией, на основе наших ценностей и нашего подхода. Инфраструктурные объекты, которые будут построены, должны быть согласованными, функционально совместимыми, а также обладать финансовой и экологической устойчивостью. Тендерные процедуры должны быть открытыми и транспарентными, чтобы обеспечить надлежащее управление и равные условия. Именно такой подход является эффективным; именно такой подход востребован странами Азии, Восточного партнерства, Западных Балкан и другими странами мира»¹. Не далее как в мае 2019 г. Евросоюз принимает очередной документ — “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership” («ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства»), в котором получили развитие ранее принятые решения по стратегическому внедрению Евросоюза в ряд центральноазиатских государств:

- Европейский союз (ЕС) и пять стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) имеют давние отношения, основанные на тесных взаимных интересах.
- Стратегия ЕС по Центральной Азии 2007 г. помогла ЕС и Центральной Азии достичь беспрецедентного уровня сотрудничества.
- Стратегическое географическое положение Центральной Азии на перекрестке Европы и Азии, ее доля в импорте энергии в ЕС и рыночный потенциал в семьдесят миллионов жителей, а также заинтересованность ЕС в региональной безопасности сделали Центральную Азию еще более важным партнером ЕС.
- Процессы реформ в регионе вызвали призывы к политическому признанию и поддержке модернизации со стороны ЕС².

Судя по подобным заявлениям, представители разных ведомств Евросоюза строят свою политику, пока еще никак не ориентированную на установление партнерских отношений с ЕАЭС и китайским проектом «Один пояс — один путь». Предлагаемый Россией проект Большого евразийского партнерства пока еще не находит должного отклика со стороны Евросоюза. Поэтому сохраняют свою актуальность, во-первых, геополитическая и геоэкономическая проработка и экспертиза разрабатываемых проектов Большого евразийского партнерства от Лиссабона до Владивостока. Во-вторых, назрела необходимость разработки теоретико-методологических оснований и стратегии глобальной безопасности в условиях антропоцена как новой эпохи в геологической истории Земли и разворачивающейся промышленной революции 4.0. В-третьих, учитывая, что одной из основных сфер глобальной безопасности является кибер- и информационно-психологическая безопасность, идеологическая война, присущая эпохе холодной войны, переросла в упомянутую выше геополитическую эпоху Past Cold War — в «войну нарративов», охватывающую информационное пространство, мысли и чувства человека, его мировоззрение, идейные ценности, установки, ориентиры. Война идей и ценностей переместилась в киберпространство. Недавно составители последнего доклада «Глобальные риски» (The Global Risks Report) в числе шоков буду-

¹ Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/50894 (дата обращения: 19.10.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/news-and-events/european-union-and-central-asia-new-opportunities-stronger-partnership_en (дата обращения: 10.09.2019).

щего указывают на «Цифровой паноптикум» (Digital panopticon), который способен обеспечить социальный контроль над миллиардами человеческих жизней. Человечество движется в мир, «в котором все, что нас окружает, захватывается, сохраняется и подвергается воздействию алгоритмов ИИ» [11, р. 70]. Подобного рода ИИ (искусственный интеллект) способен производить и фабриковать фейковые новости, что делает аудиторию более уязвимой для манипуляции и безвольной в идеологическом противоборстве. Поэтому в основу предлагаемого проекта Большого евразийского партнерства необходимо закладывать не только геополитические и геоэкономические параметры коалиционного взаимодействия, но и ценностные и смысловые ориентиры партнерства, объединяющие интересы народов разнородного цивилизационного социума Евразийского континента.

Литература

1. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 424 с.
2. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Итоги 2016 г. / Под ред. В. Н. Колотова. СПб. : ИПК НП-Принт, 2017. 833 с.
3. Кефели И. Ф. Евразийская дуга нестабильности // Армейский сборник. 2018. № 5 (май). С. 22–28.
4. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М. : ЮРАЙТ, 2018. 274 с.
5. Куприянов А. В., Королев А. С. Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка. Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2019 г. 20 с. С. 8–9.
6. Лагутина М. Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петербург. Политех. ун-та, 2016. 300 с.
7. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии И. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 928 с. С. 185–186, 199–200.
8. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 464 с. С. 126.
9. Хэлфорд Макиндер. Круглая Земля и обретение мира (перевод и комментарии Вадима Цымбурского) // Космополис. 2007. № 16. С. 3–6.
10. Mackinder Halford John, Sir. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction / by Sir Halford J. Mackinder; [edited by and] with a new introduction by Stephen V. Mladineo. NDU Press defense classic ed., 1996. P. 197–201.
11. The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 108 p.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), эксперт РАН; geokefeli@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, доктор экономических наук, директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

About the authors:

Igor F. Kefeli, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of the Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Expert RAS; geokefeli@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Doctor of Science (Economics), Director of the North-West Institute of Management — a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); shamakhov-va@sziu.ranepa.ru